

ФУМИКО ЭНТИ

РОМАН

м
а
с
к
и

ЦЕНТР ПУБЛИКАЦИЙ

Фумико Энти

Маски

«Центрполиграф»

1958

Энти Ф.

Маски / Ф. Энти — «Центрполиграф», 1958

Для дам поэтического кружка Миэко Тогано – мудрая наставница, для критиков – издательница литературного журнала и талантливая поэтесса, для всех вокруг – сильная личность, очаровательная женщина, и в пятьдесят лет сохранившая утонченную красоту. А для своей невестки она – средоточие таинственной силы, влияющей на поступки людей. Молодая вдова одержима духом свекрови, ей кажется, что Миэко затеяла страшную игру, в которую вовлечены, кроме них обеих, двое мужчин... Роман известной японской писательницы Фумико Энти (1905–1986) в России издается впервые.

© Энти Ф., 1958

© Центрполиграф, 1958

Содержание

I. Рё-но онна	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Фумико Энти

Маски

I. Рё-но онна

Цунэо Ибуки и Тоёки Микамэ сидели лицом к лицу в кофейне на втором этаже вокзала Киото. Между ними на узком, под дерево, столике стояла ваза с одной-единственной хризантемой; полная окурков пепельница служила ярким свидетельством того, что эти двое уже давно ведут разговор.

Оба приезжали в Кансай¹ по делам и встретились совершенно случайно, когда Микамэ ненароком заглянул в кофейню. Приятели со школьных времен, мужчины приветствовали друг друга как в детстве, гортанным кличем, после чего Микамэ тяжело опустился напротив Ибуки, который в полном одиночестве распивал кофе в отгороженном кабинете.

– Ты когда приехал? – вроде бы невозмутимо поинтересовался Ибуки, однако глаза его выдавали смутное беспокойство. Внешность у него была приметная: скулы высокие, выпирают; щеки запали; орлиный нос украшает лицо, делая черты более правильными; пальцы худые, длинные, суставы выступают.

Мягкий и такой знакомый голос Ибуки и то, с какой элегантностью он держит сигарету меж кончиков пальцев, всегда вызывало у Микамэ противоречивые чувства: ощущение подавленности, но подавленности удивительно приятной, какая бывает, когда стоишь лицом к лицу с жестокой и восхитительно прекрасной женщиной.

– В Осаке проходила медицинская конференция. Я уехал из Токио второго. А ты?

– Я здесь уже неделю, читал курс лекций в университете. Только вчера закончил. Снимаю номер в привокзальной гостинице.

– Правда? Какая удача, что мы именно сейчас встретились! У меня билет на ночной поезд до Токио. Я заехал в Киото просто так, чтобы развеяться немного, погулять, и никак не мог решить, что делать дальше.

– Прекрасно, – рассеянно бросил Ибуки. – Знаешь, я кое-кого жду. Она должна в два прийти. Наша общая знакомая.

– Кто такая?

– Миэко Тогано.

– Она тоже в Киото?

– Да. В храме Коэцу установили камень с гравировкой стихотворения Дзюнрё Кавабэ, она на открытие приезжала.

– Кавабэ... Она из его круга?

– О да, они, знаешь ли, оба к поэтическому течению «Светлый ручей» принадлежат. – Ибуки отвел взгляд и аккуратно стряхнул пепел в пепельницу. – Ясуко тоже с ней.

– О?! – вырвалось у Микамэ. – И где они остановились?

Ясуко была женой Акио, погибшего сына Миэко Тогано. Молодожены чуть меньше года прожили вместе, когда Акио завалило лавиной на горе Фудзи. После похорон Ясуко не вернулась к родителям – осталась с госпожой Тогано, помогала свекрови издавать поэтический журнал и посещала лекции по японской литературе, которые Ибуки читал в университете. Она также с головой ушла в изучение одержимости духами в эпоху Хэйан², продолжила незакон-

---

¹ Кансай район Японии, охватывающий города Осака, Киото и прилегающие префектуры. (Здесь и далее примеч. ред.)

² Хэйан – столица Японии с 794-го по 1186 г. Связанный с ней период японской истории в культурном плане ознаменовался формированием новых жанров художественной литературы; в высшем обществе тогда царил культ поэзии, эстетизма

ченную работу Акио. Ибуки – да и не только он – полагал, что Ясуко выбрала эту тему в память о муже.

В течение нескольких лет Ибуки был научным руководителем Акио на кафедре – оба специализировались на хэйанской литературе. Несмотря на это, его отношения с Ясуко и Миэко начали развиваться только после смерти Акио, когда Ибуки попросили помочь молодой вдове в ее исследованиях. Микамэ тоже интересовался одержимостью, хотя подход у него был совершенно иным – он возглавлял отделение психиатрии в крупной больнице, а на досуге изучал фольклор. Проштудировав вопрос одержимости дьяволом в средневековой Европе и на Ближнем Востоке, он перешел к японским народным верованиям, много читал о вере в одержимость духом лисы, распространенной по всему побережью Японского моря, духом собаки на Сикоку и духом змеи на Кюсю. В последнее время он также увлекся одержимостью духами умерших и живых, которая не раз упоминается в литературе эпохи Хэйан, и через Ибуки познакомился с Ясуко и Миэко. Вместе с остальными интересующимися данной проблемой они организовали своего рода дискуссионную группу, собиравшуюся один-два раза в месяц в доме Тогано.

Вполне естественно, члены кружка тянулись к Ясуко, но за ней всегда стояла Миэко Тогано, которая умела одним своим присутствием придать общению старомодное изящество и легкость. Ясуко была совершенно очаровательна, блистала не только красотой, но и острым умом, и все же Ибуки ясно видел, что ее жизнелюбие целиком и полностью зависит от безмятежного спокойствия Миэко, восседавшей на всех собраниях немного в сторонке, молчаливо и неподвижно, словно статуя Будды.

Как бы то ни было, Микамэ очень обрадовался, услышав, что Ясуко и Миэко тоже в Киото.

– Они в «Павильоне камелий» на улице Фуя, – ответил Ибуки. – Сегодня днем Миэко запланировала визит к Ёрихито Якусидзи, владельцу театра Но. Он обещал показать старинные маски и костюмы из своего собрания, и Миэко пригласила меня с собой.

– Правда? И давно она его знает?

– Кажется, одна из дочерей Якусидзи – ее ученица. Сокровищницу открыли для ежегодного осеннего проветривания. Говорят, некоторым костюмам лет триста, а то и больше. Хочешь с нами?

– Ну, театральные костюмы и маски – не совсем то, на что я сегодня рассчитывал, однако, с другой стороны, будет приятно повидаться с Миэко и Ясуко. Я сюда всего на минутку заглянул, потом думал сходить в медицинскую школу, навестить одного моего приятеля. Но пожалуй, поеду-ка я лучше с вами, если ты, конечно, уверен, что никто не будет возражать.

– На твоём месте я бы не стал забивать себе голову подобной чепухой. В любом случае, почему бы тебе не посидеть здесь и не подождать Ясуко? Она примерно через полчаса должна появиться.

– Через полчаса! Чего же ты тогда так рано пришел?

Ибуки промолчал.

– В последний раз мы виделись на сеансе, помнишь? – внезапно сменил он тему спустя пару минут.

– Да, точно, на сеансе. Где-то в середине прошлого месяца, если я не ошибаюсь?

– Семнадцатого. Ясуко сказала, что Акио тоже семнадцатого числа погиб, вот я и запомнил.

– Странная штука, сеанс этот... Если спирит и пытался обвести нас вокруг пальца, то ему это удалось. Никто даже не заподозрил подвоха.

– У Сэки у самого памятная дата была, так ведь?

Человек, о котором шла речь, являлся профессором прикладных наук и свято верил в силу «Сутры Лотоса».

Он надеялся, что не за горами тот день, когда наука заключит мир с религией, был предан спиритизму и устраивал в своей конторе сеансы. Миэко в тот раз не пошла, но Ясуко, Ибуки и Микамэ решили поучаствовать.

Медиумом оказалась одетая в черный костюм женщина лет тридцати. Говорили, она выросла в Маньчжурии, пропиталась деревенским духом и, несмотря на свою худобу, обладает весьма крепким здоровьем. Ничего странного в выражении ее лица не просматривалось, хотя от человека со столь необычным даром всегда ждешь чего-нибудь из ряда вон выходящего. Речь у нее была замедленная, как будто язык не подходил по размерам ко рту. Спирит, костлявый мужчина с тонкими губами, усадил ее рядом с собой в центре комнаты и принялся разъяснять двум десяткам собравшихся суть сообщения между двумя мирами – Нашим и Тем. Духи, покинувшие тела, вещал он, свободно летают по воздуху, ходят рядом с живыми, окружают их со всех сторон, хотя мы не можем их ни услышать, ни увидеть. В прежние времена многие обладали способностью беседовать с духами, но в наш индустриальный век таких людей становится все меньше и меньше. Женщина в черном – одна из немногих избранных, наделенных даром общения с мертвыми.

– А теперь, чтобы развеять ваши сомнения в чистоте эксперимента, я привяжу медиума к стулу, прямо у вас на глазах. Прошу вас, смотрите внимательно, если хотите увидеть, что происходит вокруг нее в темноте. – Глаза за стеклами очков ни разу не моргнули.

Продемонстрировав узел на веревке, которой были связаны руки женщины, спирит отгородил ее от зрителей большой металлической ширмой.

Свет погас, и в комнате теперь виднелись лишь мегафон, карандаши, блокноты и другие смутно поблескивавшие в темноте предметы. Из фонографа хлынули переливы «Голубого Дуная». Ибуки и Микамэ расположились по бокам от Ясуко, не сводя глаз с металлической ширмы, за которой сидел связанный медиум. Ибуки никак не мог сосредоточиться, все его внимание занимала лебединая шея Ясуко и ее напряженное плечико, касавшееся его руки. Девушка усердно тарасилась в темноту, стараясь ничего не упустить. Он точно знал, что, если бы свет не выключили, Ясуко стала бы делать заметки для Миэко, но, поскольку писать в таких условиях не было никакой возможности, она прилагала все усилия, чтобы запомнить каждую мелочь. Время от времени Ибуки обуревало желание обнять девушку и прижать ее маленькую головку к своей груди, как будто странная атмосфера сеанса пробила брешь в его обычной сдержанности и решимости не поддаваться плотской страсти.

И вот в тишине раздался стук, как будто кто-то забарабанил костяшками пальцев по столу.

– Ага! – воскликнул спирит. – Началось!

Некоторое время спустя темноту прорвало чуть заметное сияние – бледная арка над ширмой, слишком призрачная, чтобы исходить от какого-либо известного человеку источника света. Одновременно с этим лежащий на столе мегафон взлетел в воздух, как будто кто-то пнул его ногой.

Медиума, очевидно, трясло – барабанную дробь выдавали ножки стула. Стук. Пауза. Тьма. Стук – и белая арка снова появляется в воздухе, а блокноты с карандашами падают на пол, точно под порывом сильного ветра.

С губ медиума сорвались нечленораздельные звуки: то ли стоны, то ли причитания.

Спирит выключил фонограф и поднялся.

– Контакт состоялся. Пора задавать вопросы. Приветствуем вас! Кто вы?

Женщина за ширмой заговорила густым мужским басом, словно у нее внутри сменили пластинку:

– Je suis descendu de la montagne, je m'en vais á la montagne.

– Что? Какой это язык?

– Французский, – отозвался один из зрителей. – Он говорит: «Я пришел с горы, я уйду в горы».

– Все слышали? Должно быть, это дух француза. Может быть, альпиниста.

– Я пришел с горы... я уйду в горы... – эхом повторила Ясуко, искала в темноте руку Ибуки и наткнулась на его колено. Он тут же сжал ее ладошку обеими руками, однако был настолько поглощен действием, что даже не подумал о том, насколько необычен этот спонтанный жест Ясуко.

Меж тем студент, свободно владевший французским, вел разговор с медиумом и переводил ответы духа предполагаемого альпиниста, который когда-то упал в ледяное ущелье на Маттерхорне³ и погиб.

– Вам известно, где вы?

– Нет. Здесь полумрак, место сухое и пыльное.

– Когда вы умерли?

– В тысяча девятьсот двенадцатом.

– Вам известно, сколько времени прошло с тех пор?

– Нет. Я брожу среди снега и льдов, в темноте, и ветер воет... Пять тысяч метров над уровнем моря, если не больше.

– У вас есть жена и дети?

– Жена, да. Про детей не помню.

– Детей нет?

– Думаю, нет.

– Только что мы слышали стук, и блокноты падали на пол, и мегафон в воздух взлетал.

Вы двигали все эти предметы?

– Я их не двигал. Они лежали у меня на пути и сами подвинулись.

– Как вас зовут?

– Жан Матуа.

– Сколько вам было лет, когда вы погибли?

– Прекратите мне надоедать! Я забыл... – слетели с губ медиума последние слова.

– Дух покинул нас. Он обиделся, – сказал спирит, включая свет.

Женщина за ширмой была все так же крепко привязана к стулу – обмякла, запрокинув голову к потолку с измученным видом, словно сквозь пытку прошла. Глаза крепко зажмурены, рот судорожно хватает воздух, как у рыбы на берегу, руки-ноги трясутся, точно по ним электричество пустили. По комнате как будто торнадо пронесся: стулья перевернуты, угловой стеллаж завалился на бок, среди бесчисленных белых листочков на полу валяются блокноты, карандаши, мегафон...

– Бумага оказалась там не просто так, – заявил Микамэ, припоминая тот день. – Наверняка у спирита был еще какой-нибудь трюк в запасе. Сначала-то я ему поверил, но примерно через неделю один приятель повел меня в ночной клуб, там как раз выступал очень одаренный фокусник. Этот ловкач брал зажженную сигарету и совал, скажем, себе в ухо, а потом доставал, к примеру, из ноздри – понятия не имею, как он это проделывал. И тогда я задумался. На подобных выступлениях зрители всегда знают, что их дурачат, не важно, насколько убедительно все это выглядит, правильно? Но на сеансе меня с самого начала терзали сомнения. На самом деле мне даже не хочется, чтобы это оказалось правдой. Талантливый фокусник и не такое способен устроить. Дело техники.

– Даже французский язык? – спросил Ибуки. Его не столько сеанс потряс, как то, что после представления он обнаружил руку Ясуко в своей. И еще он прекрасно помнил непри-

---

³ Матерхорн – вершина в Пеннинских Альпах на границе Италии и Швейцарии.

ятный момент, когда Микамэ тоже заметил это и уперся взглядом в их скрещенные пальцы. Сегодня Ибуки специально заговорил о сеансе, главным образом для того, чтобы удостовериться, не померещилось ли ему, – вдруг Микамэ был слишком поглощен действием и не заметил, что происходит у него под носом. – Тот студент сказал мне потом, что женщина-медиум говорила на правильном французском с сильным южным акцентом. Его отец – дипломат, он и сам во Франции вырос, ему ли не знать. Не могла ведь эта женщина сама по-французски говорить. Очень сомнительно.

– Может, бессознательно. В одном я не сомневаюсь – она способна принимать из мира голоса реальных людей, как радио принимает волны. Мне это кажется более вероятным, чем пришествие духа умершего, который якобы беседовал с нами через нее.

– Хочешь сказать, это была душа живого человека? «Живой» призрак?

– Называй как хочешь. Но меня не духи интересуют, а те слова, которые она произносила, – реальные слова, сказанные реальным человеком. И еще голос, то, как она может менять тональность и воспроизводить невероятные звуки. Все эти разговоры о душах мертвецов и голосах из другого мира только напустили туману, но, если задуматься, это мог оказаться торговец мехами с Альп – сидел себе где-нибудь в баре на юге Франции, беседу вел. Я записал ее потом, и, если взглянуть на его речь безотносительно к сеансу, она вполне может оказаться частью разговора о погибшем друге.

– «Я пришел с гор, я уйду в горы», – процитировал Ибуки. – Так вроде бы говорилось? (Именно в этот момент рука Ясуко коснулась его колена.)

– Да, так. Я и сам мог бы нечто подобное выдать, если бы набрался как следует. Кто знает! Может, медиуму легче всего голоса пьяниц улавливать. В любом случае, ничего такого в том нет. И не с чего так перевозбуждаться. Как, например, Саэки, который окончательно на потусторонних мирах свихнулся. Даже теперь, когда собаки уже вокруг нашего собственного мира летают, мы все никак не можем до конца постичь буддийскую идею о безграничности космоса.

– Может, ты и прав. Но Ясуко говорила, что, когда она услышала первые слова медиума «Я пришел с горы», ее словно током ударило.

– Наверное, она решила, что это Акио, только говорит по-французски. Кстати о Ясуко... Когда свет зажегся, ты держал ее руку в своей, так ведь? – Микамэ скомкал окончание фразы, стараясь не смотреть на друга.

Это внезапное проявление эмоций несколько не удивило Ибуки, который прекрасно понимал, что Микамэ, как и он сам, влюблен в Ясуко. Нечто подобное и следовало ожидать.

– Я глазам не мог поверить. «Черт побери», вот и все, что мне тогда на ум пришло.

– Да, странная история. Как только она услышала про горы, тут же заволновалась, а потом – только не спрашивай почему – протянула руку и ухватила меня за колено. А после этого протиснула свою ладонь между моих. Помню, пальцы у нее холодные такие были, но совсем не дрожали. Скорее всего, она вспомнила Акио, и одиночество стало непереносимым. Другого объяснения я не нахожу.

– Хмм... – Микамэ склонил голову набок, явно довольный этим ответом. – И что потом?

– Что потом? Потом ничего. Я ее до самого приезда в Киото не видел, она все такая же, ничего не переменилось.

– Это потому, что она с Миэко.

– Может, ты и прав. Она очень любила Акио, но теперь... все еще хуже... она не в состоянии избавиться от влияния его матери. Ты только вспомни о ее работе над одержимостью духами: это ведь Миэко жаждет продолжить дело сына, развить его достижения, вот она и толкает Ясуко вперед. Если Ясуко медиум, то Миэко Тогано и есть поработивший ее сознание дух.

– Неужели ты и впрямь считаешь, что Миэко – колдунья? Мне она всегда казалась слишком бесстрашной, стоящей в стороне от земной суеты. Я не удивлюсь, если на самом деле именно Ясуко ею управляет, за спиной у всех. Спроси ее учениц, и они тебе то же самое скажут.

– Не согласен. – Фильтром своей догоревшей сигареты Ибуки затушил дымившийся в пепельнице окуроч. – Ясуко – женщина обычная. Ни в какое сравнение с Миэко не идет. Да, точно, как на старых гравюрах. – Довольный внезапно пришедшим на ум сравнением, он махнул в воздухе рукой; длинные желтоватые пальцы напомнили Микамэ полированные стебли бамбука. – Как на портретах красавиц эпохи Тан и Сун или на иллюстрациях Моронобу⁴ к книгам о жизни куртизанок – центральная фигура всегда в два раза больше всего окружения. В буддистских триадах то же самое: из-за огромных размеров главного героя меньшие бодхисатвы кажутся ближе и доступнее. Однако перспектива тут ни при чем – в таких композициях только один план, поэтому поначалу диспропорция вызывает тревогу, но именно она привлекает внимание... В общем, для меня Миэко – огромных размеров куртизанка, а Ясуко – маленькая девочка-помощница у ее ног.

– Всего лишь поэтическая форма выражения твоей любви. В наши дни женщинам надлежит быть сильными, яркими, но мне кажется, что мужчины подсознательно тянутся к существам маленьким, хрупким и беззащитным; и это может по-разному проявляться. Именно поэтому тебе и хочется видеть в Ясуко ребенка. На самом деле она гораздо сильнее, чем тебе кажется.

– Сильнее? В этом-то я как раз и не сомневаюсь, но сила ее как бы однобока. В душе она не чувствует себя свободной, не может проявить свое настоящее «я». И поэтому никогда не сумеет покинуть Миэко Тогано.

– Вовсе не обязательно. Мне кажется, она все еще не может освободиться от Акио. Как только она влюбится в кого-нибудь еще, влияние Миэко растает, словно дым на ветру. Это нормально. Мужчины привлекают женщину больше, чем любая другая женщина, ничего тут не поделаешь.

– Ты так думаешь?

– Уверен. – Микамэ рьяно закивал, как будто сам себя хотел убедить.

Друзья были ровесниками – по тридцать три года, но Ибуки уже успел жениться и обзавестись ребенком, а Микамэ жил холостяком в роскошной квартире. Они могли с одинаковой страстью любить Ясуко, но у Микамэ было куда больше шансов покорить ее.

В этот самый момент за рифленным оконным стеклом промелькнула фигурка в алом. Дверь кофейни распахнулась, и на пороге появилась Ясуко в красном пальто.

Она была близорукой, но очки носила редко и теперь стояла у стойки, слегка прищурившись, – изучала лица посетителей. Поднятый широкий воротник свободного красного пальто выгодно оттенял рельеф ее высоких скул. От нее исходили тепло и обаяние, слово «вдова» совершенно с этим образом не вязалось.

– Ясуко, сюда! – заулыбался Ибуки.

Девушка моргнула и двинулась в его сторону; на круглой щечке появилась глубокая ямочка.

– Давно ждешь?

– У меня компания.

– О! – Ясуко вежливо кивнула, заметив за столом Микамэ, и снова взглянула на Ибуки. – Он тоже в Киото был?

– Говорит, что в Осаке.

– Я сюда случайно зашел, и представь, кого встретил? Ибуки! Мы как раз тот сеанс вспоминали.

---

⁴ Моронобу Хисикава (1618–1694) – родоначальник японской гравюры на дереве.

Микамэ говорил, а пальцы его горели желанием прикоснуться к этой ямочке, которая то появлялась, то пропадала на мягкой бледной щечке, как маленькое беспокойное насекомое. По его мнению, существовало четыре вида прекрасной кожи. Первую он сравнивал с фарфором: гладкая, безупречная, глянцевая, но немного холодная и такая же твердая. Вторая похожа на снег: более тусклая и не такая гладкая, но белоснежная и таит скрытое в глубине тепло. Следующий тип он называл текстильным, о такой коже говорят – шелковая, и о ней мечтает почти каждая японка, но Микамэ не находил особых достоинств в ее монотонно ровной поверхности. Красивая кожа, считал он, – та, через которую просвечивает жизненная сила женщины, как будто весенние бутоны под солнцем расцветают. Однако городские дамочки с их косметикой удивительно рано лишаются этой естественной красоты нераспустившегося цветка – редкий случай, когда к двадцати пяти годам женщина остается свежей, а кожа ее – молодой. Раздумывая над этим, Микамэ смотрел на Ясуко, на ее чистое, без малейших признаков увядания, словно только что открывшиеся лепестки, лицо.

– А, сеанс, – кивнула она. – Мы ведь тебя с тех самых пор не видели, правда? – И снова повернулась к Ибуки: – Почему бы Тоёки не поехать с нами?

– Я так ему и сказал. Где Миэко?

– В машине ждет. Поедем! – улыбнулась она Микамэ. – В этом нет ничего такого. Мама будет рада повидаться с тобой, и я слышала, что маски просто изумительны. Ты ведь не откажешься? Скажи, что нет! – Она умоляла его, грациозно склонив головку, но Ибуки ее улыбка казалась отвратительной, как будто приоткрывала завесу, за которой прячется шлюха.

– Поехали, приятель, это вполне удобно, – отчеканил он и вскочил на ноги. – Твой поезд только в десять уходит, так ведь?

Ясуко протиснулась сквозь толпу в воротах, где проверяли билеты, понеслась к выходу с вокзала и притормозила у автостоянки, энергично размахивая рукой. Ее маленькая фигурка в широкополом пальто издали походила на красный треугольный флажок.

Как только огромный автомобиль остановился у обочины, она распахнула заднюю дверцу и затараторила, объясняя сложившуюся ситуацию.

– Как мило! Он просто обязан поехать с нами. – Из недр машины зазвучал веселый молодой голос, и, как только Ясуко отступила и ее фигурка в красном перестала загораживать вид, показалось лицо Миэко Тогано. – Забирайтесь скорее. Сзади хватит места для Ясуко и еще одного.

– Я впереди сяду. – Микамэ поспешно занял место слева от водителя.

Ибуки последовал его примеру и уселся рядом.

– Но здесь и правда довольно места...

– Все в порядке. Мне нравится видеть, куда меня везут. – Микамэ обернулся, чтобы поздороваться с Миэко как полагается. – Как поживаете, госпожа Тогано? Я случайно налетел на Ибуки в кофейне вокзала, и эта поездка к мастеру Но показалась мне такой заманчивой... однако слово, по-моему, не совсем подходящее, да? Как бы то ни было, я безмерно рад тому, что еду с вами. Вы уверены, что это удобно?

Ибуки улыбнулся, заметив, что Микамэ перешел на ровный дружеский тон, столь характерный для людей его профессии.

– Вы знаете дорогу?

– Да, господин Якусидзи прислал за нами машину.

Это Ясуко поддержала попытки Микамэ завести разговор, Миэко же откинулась на подушки и только кивала или улыбалась, соглашаясь со всем, что говорит невестка. Рядом с ней Ясуко казалась бодрой и немного настороженной. Микамэ вспомнил о сравнении Ибуки, о непропорциональных композициях древнекитайских живописцев и японских мастеров укиё-

э⁵; но ему самому Миэко напоминала не столько несоразмерные портреты красавиц из «веселых кварталов», сколько грубоватый фон – тяжелую, витиевато украшенную ширму или огромное цветущее дерево, рядом с которым Ясуко казалась еще моложе и очаровательнее.

За окнами мелькнул длинный мост с декоративными колоннами, следом появились черепичные крыши храмового комплекса. Микамэ представления не имел, в какой части города они находятся. Машина несчетное число раз свернула на узкой улочке, с трудом протиснувшись сквозь ряды домов, затем остановилась, и все выбрались наружу. Мощенная камнем тропинка длиной в десять-двадцать сяку⁶ вела к городскому особняку с табличкой «Якусидзи» на двери.

Стоявшая на пороге молодая женщина с огромными глазами и тонюсенькими бровями низко поклонилась, едва завидев Миэко с сопровождением.

– Добро пожаловать! Я так рада, что вы нашли для нас время. Мои отец и брат с нетерпением ждут вашего визита. – Тоэ, дочь Якусидзи, говорила на токийском японском с явным налетом влияния Киото. Она с бесчисленными поклонами пропустила гостей в прихожую.

Ибуки и Микамэ, которые видели Якусидзи только на сцене, удивились, насколько дом владельца театра смахивал на жилище заурядного торговца. Тесная прихожая вела в гостиную размером примерно девять на двенадцать сяку – такую маленькую, что дзабутон⁷ для четверых гостей заняли почти все пространство пола. Микамэ – человек внушительного роста и комплекции – аккуратно подобрал колени, и теперь казалось, что ему ужасно неудобно.

– Отец уже давно прикован к постели, – рассказывала Тоэ, подавая чай со сладостями. – Он так сожалеет, что не может встретиться с вами сегодня.

В конце коридора мелькнула фигура женщины средних лет в переднике и с подносом в руках, как будто подтверждая, что в доме находится лежачий больной.

– Что с вашим отцом? – поинтересовалась Ясуко.

– Рак желудка. Он уже так давно болеет, что даже лица не осталось, одни кости торчат. – Тоэ печально нахмурила тонкие брови. – Иногда во сне он так похож на маску Потерянного человека, что мне страшно становится. Я теперь даже смотреть на эту маску не в состоянии.

– Могу себе представить, – сочувственно кивнула Миэко.

Ясуко тут же последовала ее примеру.

– Это было в одном из ваших стихотворений, если я не ошибаюсь? Помните, мама, то, за прошлый месяц... – Она вопросительно поглядела на свекровь.

– Боюсь, нам не следовало приезжать. Мы доставили вам столько беспокойства...

– О нет, вовсе нет! – Тоэ удивленно распахнула огромные глаза. – Костюмы все равно проветриваются, и папа подумал, что это прекрасный случай поглядеть на них, госпожа Тогано. В прошлом году мы расширили сцену – к несчастью, за счет всего остального дома! – и нам бы хотелось показать вам ее, пока вы здесь.

В комнату вошла молодая женщина – живущая при доме ученица; в руках – большой сверток.

– Госпожа, молодой хозяин говорит, что покажет костюмы здесь, а маски оставит на потом, для сцены.

– Да? Ну и хорошо. Гости уже прибыли, можешь позвать его.

– Да, госпожа.

Не успела ученица с поклоном удалиться, оставив сверток, как в гостиную вошел Ёриката Якусидзи, стройный и мускулистый, выправка – как у мастера кэндо⁸. Он коротко поприветствовал гостей.

⁵ Укиё-э – «картины изменчивого мира» (яп.) – направление в японском искусстве эпохи Токугава, посвященное изображению сцен городской жизни.

⁶ Сяку – мера длины, равная 30,3 см.

⁷ Дзабутон – в японском доме подушка, на которой сидят.

⁸ Кэндо – японское искусство боя на мечях.

ветствовал Миэко, и не подумав употребить почтительное «сэнсэй»⁹, а ведь она была поэтическим наставником его сестры. На представление Ибуки и Микамэ сын хозяина дома ответил и вовсе невежливо – едва заметным поклоном сидя, упершись руками в бока.

– Отец велел мне показать вам костюмы, – кисло улыбнулся он, – хотя показывать в общем-то нечего.

Сквозь резкие манеры и мрачный вид отчетливо проступала врожденная робость; видно было, что на деле парень он неплохой. «Может, это весьма странное приветствие Ёрикаты – всего лишь следствие упадка школы. Но, – подумалось Микамэ, – а общая унылая атмосфера дома, которая ощущается с самого порога, только подтверждает это предположение».

Ёриката развязал сверток, обернутый в ткань с иероглифом их рода. Внутри оказалась стопка из четырех-пяти костюмов для женских ролей. Он поднял верхний наряд и просунул руки в рукава, показывая его гостям.

– Какая красота! – задохнулась от восторга Миэко.

Серый набивной атлас был украшен золотыми листьями и вышивкой – гроздьями поникших белых лилий. Киноварь тычинок выцвела и пожелтела; золотые листья почернели, будто сажень припорошенные. И неяркие тона, и вышивка таили в себе изящество старинных росписей.

– Этот наряд относится к эпохе Кэйтё¹⁰. Мы называем его «Одеяние с лилиями». Подкладка – тончайший шелк, она когда-то была алой, но теперь даже внутри все выцвело, стало красновато-желтым. Посмотрите сами. – Ёриката вытащил руки из рукавов и аккуратно разложил костюм рядом с Миэко, а потом расправил следующий: парчовый наряд в огромных чередующихся квадратах цвета киновари и соломы, по которым были густо разбросаны крохотные шелковые хризантемы.

– Этот намного моложе. Относится к эпохе Кёхо¹¹, около 1730 года. Ёриясу, пятый глава нашей школы, получил его в дар от храма Ниси Хонгандзи для спектакля «Молодость хризантем» во Дворце императора Сэнто. Ходят легенды, что один из ткачей Нисидзин¹² так усердно трудился, чтобы успеть к сроку, что заболел, истек кровью и умер. А потом, согласно той же легенде, когда Ёриясу танцевал на сцене, дух ткача пришел посмотреть представление из ложи императора. Ёриясу ничего не сказали, и во время танца он все удивлялся, что это за маленький бледный человечек без меча и в простой одежде сидит рядом с ушедшим на покой императором, вельможами и служителями Хонгандзи.

– Хотите сказать, что призрак пришел посмотреть на свое творение? – громогласно изумился Микамэ.

– Наверное, да. В те дни даже лучшие ткачи Нисидзин еле сводили концы с концами, так что нет ничего удивительного, что Ёриясу посчитал присутствие того человека весьма странным и даже неуместным. – Ёрикате, похоже, нравилась эта история, он сам наслаждался рассказом, на губах его играла улыбка. – Поскольку этот костюм не настолько стар, киноварь выцвела гораздо меньше, но все равно изнутри он куда ярче, сами посмотрите. – Молодой человек продемонстрировал боковой шов, где киноварь и индиго сохранили былую сочность.

Миэко поглядела на сияющую ткань и обернулась к невестке.

– Ты только подумай! – прошептала она.

– Да, знаю, – так же тихо ответила Ясуко, склонившись над нарядом.

---

⁹ Сэнсэй – вежливое обращение к учителям, врачам, работникам культуры (яп.).

¹⁰ 1596 – 1615 гг.

¹¹ 1716 – 1736 гг.

¹² Нисидзин – район Киото, издревле славившийся своими тканями.

Ибуки уловил духовную связь, соединяющую этих двух женщин. Он был уверен, что обе думают не о покрое наряда и не о ткани, а о том мастере, который умер, работая над ним, и чей дух пришел посмотреть на танец Ёриясу из императорской ложи.

– А продолжение у этой легенды есть? – спросил он.

– Да, интересно, – поддержал его Микамэ. – Если ткач проделал весь этот путь до дворца, чтобы посмотреть представление после смерти, одеяние наверняка имело для него огромное значение. Появлялся ли призрак еще, когда в этом наряде выступали другие? – Он говорил от чистого сердца, и этот задушевный тон всегда помогал ему раскрывать людские тайны.

– Ничего подобного больше не случилось, – вставила Тоэ, которая, по-видимому, считала дурным тоном рассказывать эту легенду, когда отец их лежит при смерти, и в душе осуждала брата. – Ёриясу лично отвез наряд в храм Киёмидзу и заказал там службы по усопшему. Поэтому ли, нет ли, то неведомо, но призрак больше не показывался. Правда, даже теперь мы не надеваем этот костюм для той роли.

– Я бы сказал, что ткач получил полное удовлетворение, вам так не кажется? – все с той же искренностью проговорил не желавший сдаваться Микамэ. – Службы службами, но ведь наряд, ради которого он отдал свою жизнь, надевал великий мастер, да еще на представление, на котором присутствовал сам бывший император, вельможи и служители Хонгандзи. О большем и мечтать нельзя. Вы так не думаете?

– Может, перейдем к следующим, Ёриката? – Тоэ явно решила положить конец измышлениям Микамэ.

Оставшиеся шелковые и парчовые наряды предстали по очереди перед восхищенными зрителями, затем Ёриката поднялся и прошел на сцену – полную противоположность тесным и тусклым жилым помещениям. И пол и стены в зале были отделаны лучшими сортами японского кипариса.

Ёриката гордился этим творением и поведал о нем немало интересного. На открытии они исполняли старинный священный танец, он – в роли Самбасо, а отец – в роли старика Окины.

– Под сценой зарыты четыре пустых кувшина, по одному на каждой стороне, по одному на каждое время года. Осенью, например, актеры топают вот у этой колонны, чтобы получился осенний звук. – Ёриката топнул ногой в указанном месте, звук вышел чистый и гулкий. – Если маску надеть, – постепенно увлекаясь рассказом, продолжал молодой человек, – вид у нее совсем другой будет. Поскольку я все равно собирался примерить их специально для вас, лучше уж сделать это здесь, на сцене.

– Папа сказал, что госпожа Тогано, будучи женщиной, наверняка заинтересуется лучшими женскими масками. – Тоэ вытащила одну из лакированного ящичка и протянула брату.

Ёриката положил маску на ладонь, чтобы гости могли получше рассмотреть ее. Лоб и щеки округлые, вокруг глаз намечается улыбка, веки приопущены, губы слегка разомкнуты, меж ними виднеются зубки – маска была задумана и сделана так, что улыбка непостижимым образом превращалась в плач.

– Это Магодзиро. Юная, как и Коомотэ, но более женственная, полная почти зрелого очарования. Молодость в самом расцвете. Когда познакомишься с масками поближе, они начинают казаться лицами реальных женщин. Эта – моя любимая из тех, что передаются из поколения в поколение. – Молодой человек аккуратно протянул маску Магодзиро Ясуко. – А сейчас я покажу вам еще одну маску, которую не смог бы полюбить, даже если бы очень захотел; ту, которая меня к себе и близко не подпускает. Она вызывает у меня нечто вроде внутреннего раздражения или даже ненависть, не побоюсь этого слова. Ее зовут Дзо-но онна. Надевают эту маску, если надо сыграть роль госпожи благородного происхождения: придворную даму в «Бремени любви» или божественное создание в «Платье из перьев».

Ёриката взял маску и поднял ее вверх на вытянутых руках так, что она оказалась на уровне его лица. Это было изображение очень красивой женщины. Удлиненные глаза, изящ-

ный изгиб век, красная верхняя губа неровными линиями спускается к уголкам рта, кривясь в презрительной усмешке. На лице застыло выражение надменной жестокости, обволакивало его, словно кристаллики льда кору дерева.

Ёриката медленно поднес маску к лицу, завязал лямки и опустил руки. Маска благородной дамы с вытянутыми, чуть приподнятыми к вискам уголками глаз как будто повисла в воздухе над широкими мускулистыми плечами, смуглой мужской шеей и волевой челюстью.

Ясуко прикрыла глаза рукавом.

– Что такое? – забеспокоился Микамэ.

– Ничего. Просто эта маска... в ней такая сила, что мне страшно становится.

– Ты побледнела. Дай-ка я проверю твой пульс. – Микамэ взял ее запястье и принялся следить за стрелкой часов с видом заправского доктора.

На следующее утро в Киото начал моросить дождик, но к полудню, когда экспресс уже подъезжал к Ёнэхаре, небо расчистилось, и квадраты рисовых полей отливали золотом в последних лучах осеннего солнца. Ибуки расположился у окна в вагоне второго класса, рядом с ним сидела Ясуко. Он планировал вернуться домой ночным поездом, но в самую последнюю минуту Миэко решила задержаться еще на день – захотела посетить поэтический вечер в Наре – и отдала ему свой билет.

– Боюсь, для вас это не слишком удобно, но я знаю, что Ясуко будет только рада такой компании. – Она говорила неуверенно, как будто не надеялась, что Ибуки примет это предложение, однако для него полдня в поезде наедине с Ясуко было настоящим даром небес. Он и мечтать ни о чем подобном не мог.

– Я с радостью возьму ваш билет! Завтра утром у меня лекция, так что будет лучше, если я вернусь сегодня. – И он быстренько переменял свои планы, отказавшись от посещения собрания литературоведов в Киото.

Правда, теперь, когда Миэко рядом с ними не было, Ясуко отчего-то стала замкнутой и неразговорчивой. Ибуки ощутил приступ разочарования. Он припомнил вчерашнее, невесть откуда взявшееся недомогание Ясуко, когда та чуть в обморок не упала. Микамэ сказал, что пульс у нее в норме, а через мгновение она уже пришла в себя и заворуженно наблюдала за тем, как Ёриката демонстрирует способность маски менять выражение. Происшествие вылетело у Ибуки из головы, и он только сейчас вспомнил о нем.

– Как ты себя сегодня чувствуешь, Ясуко? – спросил он, напустив на себя безразличный вид. – Что с тобой вчера случилось, когда мы маски смотрели?

– Сама не знаю, что на меня нашло, – улыбнулась она.

– Когда разглядываешь эти маски вблизи, просто жуть берет, – начал Ибуки размышлять вслух. – Обычно после поездки в Киото я полон очарованием садов и храмов, но на этот раз только о масках и думаю. Сегодня утром, в полудреме, мне привиделось лицо покойной матери. Оно показалось мне каким-то странным, но сначала я никак не мог разобраться, в чем дело, и только потом понял, что видел такое же выражение вчера у одной из масок. Чем дольше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что моя мать точь-в-точь на ту маску была похожа. Наверное, маски Но настолько символичны, что каждый видит в них своих ушедших родственников. Только у мертвых могут быть такие застывшие лица.

– И все же, как только Ёриката надевал маску, выражение сразу менялось, ты заметил? Когда он предстал перед нами в маске Дзо-но онна, у меня аж дыхание перехватило. Как будто сама смерть ожила, или как будто мужчина и женщина слились воедино... как будто дух Акио в маску вселился. – Ясуко уставилась прямо перед собой, дыхание ее участилось; казалось, что маска до сих пор стоит у нее перед глазами. Неужели ей снова, как тогда, на сеансе, почудилось, что Акио вернулся из царства мертвых?

Не желая поощрять эту бредовую идею, Ибуки перевел разговор на другую тему:

– И все же этой маске нельзя отказать в красоте. У меня от другой мурашки по спине побежали – от Рё-но онна¹³. О ней вообще ничего определенного сказать невозможно, она не более реальна, чем тот спиритический сеанс.

Рё-но онна, самая прелестная из всех масок Якусидзи, была признана «национальным сокровищем», и ценность ее настолько велика, что маску эту обычно скрывают от любопытных глаз, но вчера, как объяснила Тоэ, сам Ёрихито настоял на том, чтобы ее показали Миэко и остальным гостям. По дороге обратно Микамэ полушутя заметил: мол, старику, должно быть, шестое чувство подсказало, что гости интересуются одержимостью духами.

Ясуко с самого начала отвергла эту идею и до сих пор придерживалась своей точки зрения.

– Никто, кроме нескольких учеников, понятия не имеет о наших исследованиях. А уж Тоэ Якусидзи и подавно! Она посылает нам черновики своих стихотворений по почте, из Киото ни разу и шага не сделала.

– У Ёрихито могли быть на то свои причины, – согласился Ибуки. – Сын говорит, что его главным достижением считаются роли в «Чаше изобилия» и «Госпоже Аои». Я видел старшего Якусидзи на сцене и никак не могу избавиться от мысли, что каждая из женских масок – Дзо-но онна, Рё-но онна, Дэйган – каким-то непостижимым образом преображалась под влиянием его собственных ощущений, как будто, надевая ее, он действительно чувствовал себя женщиной. Или это слишком фантастично звучит?

– Говорят, в Но – вся его жизнь, остальное его мало интересовало. Трудно даже вообразить, что он читал мамину поэзию, даже несмотря на то, что Тоэ очень нравится наш журнал. Но он наверняка что-то почувствовал, разве не так? Иначе не стал бы настаивать на том, чтобы его сын показал нам Рё-но онна, ведь никто из нас даже словом о ней не обмолвился. Она меня напугала. Мне кажется, эти маски именно для моей свекрови предназначались, не потому что она часто ходит на представления Но и не потому что она способна оценить по достоинству их красоту, а из-за того абсолютного спокойствия, которое на них запечатлено – как бы взгляд в себя. Наверное, в древности японки именно так и выглядели. А она – одна из последних женщин, живущих по тем же правилам, что и маски, – ее потрясающая энергия направлена внутрь, а не вовне. Я и раньше это замечала, только сформулировать не могла, и только вчера осознала это до конца, когда наблюдала за тем, как она изучает маски и костюмы.

Опершись плечом на сиденье и сложив руки на коленях, Ясуко повернулась к Ибуки и одарила его таким взглядом, что тот невольно вздрогнул; грудь ее подалась вперед, голова склонилась под странным углом – от нее так и веяло беспощадной чувственностью, как от закованной в цепи дикарки.

– Знаешь, что я думаю? – спросила она.

– Боюсь, на телепата я мало похож. – Пытаясь скрыть смущение, Ибуки наклонился вперед и прикурил сигарету. – Ты и правда тихая сегодня. Я тут думал, почему ты так неловко чувствуешь себя сегодня в моем присутствии. Может, причина какая есть?..

– Почти угадал, поздравляю. – Ясуко улыбнулась, и на ее щеке появилась ямочка. – Откровенно говоря, я решила уйти из дома Тогано. И от Миэко, если получится. Я уже давно об этом подумываю. Но боюсь, что действовать надо быстро, иначе будет слишком поздно.

– Я понимаю, почему Миэко жаль отпускать тебя. Она уже потеряла Акио. Кроме того, ей вряд ли удастся найти другого столь преданного журналу и поэтическому кружку секретаря.

– Ты действительно так считаешь? – снова улыбнулась Ясуко.

– Но это же правда, разве нет?

---

¹³ В этой маске актеры театра Но исполняют роль духа мщения женщины средних лет, которую даже после смерти терзает боль неразделенной любви.

– Нет. Если бы дело было только в этом, на мое место сыскалось бы немало кандидаток. Мамины ученицы в буквальном смысле слова боготворят ее, и многие с радостью согласились бы ей прислуживать. Я ей не за этим нужна.

– А, знаю. Она вбила себе в голову, что ты должна закончить работу Акио. Сумела настоять на том, чтобы ты продолжила исследования с того места, на котором остановился он, и вскоре это стало для тебя обузой. Я прав?

– Лишь отчасти. Если в самом начале это действительно была ее идея, то теперь я уже срослась с проектом. Я не оставлю его, даже если покину Миэко и снова выйду замуж. – Ясуко со вздохом сплела пальцы рук, голос ее зазвучал вяло и невыразительно. – Наверное, я не слишком понятно изъясняюсь, но сегодня мне очень хотелось спросить твоего совета.

– Моего совета? По поводу ухода от Миэко?

– Полагаю, что да. – Ясуко вытянула руки перед собой, но пальцев не разжала, и ее маленькие ладошки изящно развернулись наружу.

Взору Ибуки, который сидел слегка наклонившись вперед, предстали нежно-розовые округлости. Разворот ее тела, то, как она сидела, как потягивалась – все говорило о несвойственном ей флирте.

– Знаешь, – продолжила она, – Тоёки Микамэ время от времени говорит мне всякое. Я никогда не поощряла его, но... как ты думаешь, женится он на мне, если я действительно решу уйти из дома Тогано?

– Микамэ? – Ибуки дар речи потерял, глядя в это виновато-соблазнительное личико и на вытянутые вперед руки. – Разумеется. Уверен, он будет только рад. Микамэ, конечно, питает склонность к женскому полу и не прочь поразвлечься, но он понимает, что хорошо, а что плохо и кому следует отдать предпочтение. Да и вкус у него отменный. Я его давно знаю и нисколько не сомневаюсь, что он без ума от тебя. – Ибуки резко оборвал свою речь, как будто свечу задули. Через мгновение он продолжил совершенно иным, более спокойным тоном: – Но почему? – И добавил: – Я против.

– Против? Ты?

– Микамэ ничуть не лучше меня, по крайней мере, я так думаю, и еще... мне кажется, я тебе гораздо больше нравлюсь, чем он.

– Так и есть... Да, но... – Ясуко никак не могла подобрать нужные слова. – Ничего не выйдет. Потому что, если между нами что-то произойдет, я... мне будет еще труднее выпутаться из сложившейся ситуации.

– Что? Как так? – Несмотря на столь неожиданный поворот разговора, Ибуки сумел сохранить беспристрастный вид и даже выдавить улыбку. – Хочешь сказать, потому что я женат? Потому что у меня уже есть семья и я не могу попросить твоей руки? Но мне отчего-то кажется, что ты не брака ищешь. Мне в тебе всегда одна вещь нравилась: ты никогда не стремилась к браку ради брака.

– Верно. Брачный обряд меня никогда не прельщал. Только вот...

Она не успела договорить: чета американцев вернулась из вагона-ресторана и уселась рядом с ними через проход. Молодой человек с короткой порослью на голове – точь-в-точь мех маленького зверька – обнял свою даму за плечи и что-то говорил ей гнусавым голосом, при этом ни на секунду не выпуская ее ладони, как будто ему даже мысль о разлуке была противна. Ибуки бросил в их сторону ледяной взгляд и продолжил за Ясуко:

– Только – что? Ты не хочешь отдаться без обязательств с другой стороны, так?

– Нет. – Ясуко медленно покачала головой и задумчиво поглядела на Ибуки. – Не в этом дело. Наш брак оказался коротким, но мы с Акио были счастливы, и теперь, если я получу свободу, я уверена, что сумею заработать достаточно, чтобы ни от кого не зависеть. Ты мне нравишься, Цунэо, но, даже если предположить, что мы станем любовниками, у меня хватит здравого смысла не просить тебя уйти от жены.

– Аккуратнее, а то я могу и голову потерять. – Ибуки рассмеялся, хотя от ее слов внутри у него все сжалось.

– Нет, у тебя смелости не хватит, и мне это прекрасно известно. Так что не стоит и волноваться насчет этого. А что касается брака с Микамэ, для него есть, по крайней мере, две веские причины: первая – я в него не влюблена, а вторая – так я смогу раз и навсегда порвать с семейством Тогано и с Миэко.

– А почему это настолько важно?

Ясуко ничего не ответила, лишь молча заглянула ему в глаза.

– Пока ты снова не выйдешь замуж, что плохого в том, чтобы носить фамилию Тогано? Или Миэко настолько старомодна, что ожидает от тебя вечной преданности Акио? Мне-то самому так не кажется, но кто знает? Может, она оскорбится, если ты начнешь встречаться с другим мужчиной. Я не слишком большой знаток женской психологии. Вот Микамэ утверждает, что разбирается в женщинах, но меня не проведешь: ни черта он в этом не смыслит.

– Ну, даже мне, женщине, трудно понять Миэко. – Ясуко уставилась на сложенные на коленях руки, помолчала и вновь заговорила, осторожно подбирая слова: – Но теперь я понимаю гораздо больше, чем раньше, и нутром чувствую – настало время уходить. Я не могу сказать, что она сует нос в мои дела, ничего подобного нет. Не настолько она мелочна. Но она обладает странной способностью направлять события в нужное ей русло, при этом даже пальцем не пошевелив. Она словно тихое горное озеро, чьи воды под безмятежной поверхностью стремительно несутся к водопаду. Она – как маска Но, тщательно скрывает свои тайны.

– Продолжай. – Ибуки с интересом смотрел на Ясуко. У нее за спиной, на другой стороне прохода, американцы дремали, привалившись друг к другу, словно пара ручных зверьков; льняные волосы леди игриво свесились на плечо мужчины. – Что ты хочешь этим сказать? Как Миэко может управлять другими людьми, если сама с места не двигается?

– Взять хотя бы тебя – яркий пример. Ты покорно пошел той тропой, к которой она тебя подтолкнула.

– Я? – Ибуки помотал головой и непонимающе уставился на девушку.

– А ты и не заметил, правда ведь? Да я и сама только недавно поняла. Это возвращает нас к сказанному ранее: если я начну с тобой встречаться, Миэко это вряд ли заденет. Даже наоборот, именно этого она и добивается. И усадить нас в один вагон – часть ее плана. Вряд ли ей вдруг, ни с того ни с сего, захотелось отправиться в Нару, я в этом абсолютно уверена.

– Погоди. Полагаю, только слепой не увидит, что мы с Микамэ оба в тебя влюблены, так почему же свекровь хочет свести тебя со мной, а не с ним? Только потому, что у меня уже есть семья, и она считает, что ничем не рискует? Замуж за меня ты не выйдешь, и она сможет оставить тебя при себе на столько, на сколько пожелает?

– Думаю, это отчасти так. Но у нее еще что-то на уме. Я и сама пока не разобралась...

Не переставая болтать, Ясуко взяла Ибуки за руку, ловко выхватила у него из пальцев сигарету и затянулась. Он потрясенно смотрел на маленькие розовые губки, сжимающие фильтр, который всего секунду назад был у него во рту. Сквозь облачко дыма он увидел, что Ясуко улыбается.

Ибуки схватил ее руку и крепко сжал в своих ладонях, как в тот день, на сеансе.

– Ты меня удивляешь, Ясуко. Даже распоследняя официантка в баре и та бы себе такого не позволила. – Однако действия его расходились со словами, пальцы поглаживали нежную кожу ее ладоней, плавно соскальзывая на тыльную сторону, словно пытались окутать их со всех сторон. – Скажи мне, тогда, на сеансе, почему ты взяла меня за руку? Микамэ это тоже заметил.

– Сама не знаю. О да, конечно, ты мне очень нравишься, Цунэо, но, когда я веду себя так, мной будто какая-то внешняя сила управляет.

– И ты говоришь, что сила эта и есть воля Миэко Тогано?

– Нет, ничего подобного я не говорила. Если я изучаю одержимость духами, это вовсе не значит, что я примеряю на себя свои научные выкладки и считаю, будто нахожусь под сверхъестественным влиянием свекрови.

– Хорошо. Значит, ты сама этого хочешь. – Он забрал у нее сигарету и коснулся губами окрашенного помадой фильтра. – Своего рода поцелуй... Что бы ты там ни утверждала, все эти разговоры об одержимости влияют на тебя, Ясуко. Пора бы тебе вернуться в реальность. Сначала ты заявляешь о своем желании выйти за Микамэ, а в следующий момент начинаешь соблазнять меня. Это ты странно себя ведешь, а не твоя свекровь.

– Но это правда – я действительно подумываю о свадьбе с Микамэ. Если бы я не решилась рассказать тебе об этом, то, наверное, не села бы с тобой в один поезд. И все же ничего странного я в своем поведении не вижу: вот мы беседуем, и вдруг я делаю такое. Может, в глубине души мне действительно хочется, чтобы ты любил меня. Однако меня не покидает чувство, что за всем этим стоит она и именно она все это устроила. Мне даже думать об этом противно.

– Что-то я никак тебя не пойму. Ты говоришь, что она осталась в Наре специально, чтобы дать нам возможность побыть вдвоем. Но зачем такой женщине, как Миэко Тогано, играть в эти глупые игры?

– Это не игра. Поверь мне, она очень сложная натура, гораздо сложнее, чем ты думаешь, чем все мы думаем. Ее тайны словно цветы в ночном саду – наполняют воздух своим ароматом. О, она необыкновенно привлекательна. По сравнению с этим скрытым шармом ее талант поэтессы всего лишь невзрачная оболочка.

– Я вроде бы уловил твою мысль, Ясуко, но не уверен, правильно ли. Может, пора начать выражаться яснее? В любом случае, ты мне очень, очень нравишься. Как только ты протянула мне свою руку, я почувствовал, что все преграды меж нами пали, и эти разговоры о свадьбе с Микамэ только еще больше меня заводят. Я все сильнее хочу тебя. Вот почему мне так важно побольше узнать о Миэко. Если ты мне не расскажешь, придется самому докапываться.

– Попробуй, если хочешь, только предупреждаю – вряд ли у тебя получится. Кроме того, ты же сам прекрасно знаешь: как только ты окажешься в Токио, уже ничего не сможешь предпринять.

Ясуко в нерешительности закусила губу, словно собиралась сказать еще что-то. Однако именно в это мгновение за окном появилась гора Фудзи. Заходящее солнце посылало ей свои последние лучи, и она стояла окутанная огненно-красными облаками, как будто только что вознеслась из раскаленных недр земли; склоны классическим изгибом грациозно спускались к долинам.

– Погляди, Цунэо! – С благоговейным страхом Ясуко протянула руку к окну.

– Красиво, правда? Фудзи в лучах заката. – Он тоже смотрел в окно, и ему даже в голову ничего такого не приходило, пока он не покосился на Ясуко. И только тогда ее торжественный, напряженный взгляд напомнил ему о зиме четырехлетней давности, когда сошедшая с этих самых склонов лавина унесла жизнь Акио. – Тебе, наверное, до сих пор нелегко смотреть на Фудзи вблизи...

– Это случилось на подходе к восьмой перевалочной базе. Когда мы прибыли к подножию горы, буря уже сошла на нет, и там, где прокатилась лавина, снег был девственно чистым и сверкал на солнце. Это вон там случилось, видишь то пятно иссиня-черной земли? Помню, я еще подумала: «Этот сверкающий снег поглотил Акио», и даже обрадовалась на какое-то мгновение. – Она погрузилась в воспоминания, подернутый дымкой взгляд вернулся к горе.

Руководитель экспедиции, друг Акио, пригласил его пойти вместе с группой студентов в учебный поход. Они уехали из Токио в субботу, а трагедия произошла в воскресенье утром.

Команда спасателей работала почти неделю, и все без толку; из тринадцати погибших альпинистов нашли всего троих. Остальным десяти предстояло пролежать под снегом до самой весны.

– Вот когда было просто невыносимо смотреть на Фудзи, в те пять месяцев, но мне казалось, что я должна. День за днем я забиралась куда-нибудь повыше и смотрела, смотрела. Гора походила на снежную королеву, захватившую Акио в свои объятия. Она крепко обнимала его и не желала отдавать мне обратно. Как же холодно, должно быть, ее объятия, бывало, думала я, и по спине крался холодок, пробирался внутрь, но потом, мало-помалу, растворялся, приятное тепло разливалось по всему телу; так бывает, если выпьешь немного. Наверное, когда замерзаешь до смерти, то же самое испытываешь. Дни медленно складывались в месяцы, и потом, когда наконец прислали извещение, что Акио нашли, я еле собралась с духом, чтобы поехать взглянуть на него.

– И Миэко с тобой ездила?

– Да, хотя поначалу она тоже не хотела. В конце концов мы отправились вместе, держа друг друга за руки, словно пара слепых. Я сама поразилась, насколько сильно испугал меня вид тела, этот страх даже горе затмил. Потом мама призналась мне, что с ней было то же самое. Может, именно в тот момент мы обе и поняли, насколько мы с ней похожи и в мыслях, и в чувствах. Словно на одну волну настроены. Со смертью Акио наши отношения должны были бы прерваться, но случилось обратное – мы с ней будто бы настоящими матерью и дочерью стали. Я так рада, что Акио был рожден такой женщиной, как она.

– Ты уверена, что не влюбилась в нее? – иронично хмыкнул Ибуки, но Ясуко лишь слегка наклонила голову, размышляя над его вопросом.

– Влюбилась? Может, и так, в каком-то смысле. Как хочешь это назови, но я открыла для себя, что она – женщина просто невероятных способностей, и это открытие придало мне сил. Именно отсюда я черпала уверенность, что поступаю правильно, когда решила продолжить работу Акио об одержимости духами в эпоху Хэйан. Мне очень повезло, что Миэко оказалась рядом. И только потом мне пришло в голову еще кое-что: возможно, Акио тоже всю жизнь находился под ее влиянием и с течением времени это бремя давило на него все сильнее и сильнее, пока не стало невыносимым. Горы его всегда притягивали, но перед смертью это увлечение переросло в настоящую страсть. Он впервые отправился в зимний поход незадолго до той трагедии. И это еще не все; иногда он поговаривал о том, чтобы уехать жить в Южную Америку, только он и я, вдвоем. Сейчас я думаю, что Акио пытался сбежать от своей матери, хотя, по-моему, он и сам этого не осознавал. В то время я ничего не понимала. Совсем молодойкой была. Все твердила: займись делом, закончи свое исследование, не хотела, чтобы он отвлекался по пустякам. И только теперь я понимаю его чувства.

– А я не понимаю, к чему ты клонишь, Ясуко. Одни намеки и недомолвки. Мне никогда не постичь, почему Акио хотел сбежать от Миэко и почему теперь ты о том же самом мечтаешь, если только ты не расскажешь о ней побольше. Но *одно* я действительно понял. – Последнюю фразу Ибуки произнес многозначительным тоном и взял руку женщины в свою. – Миэко Тогано не против нашего романа, больше того – она сама нас к нему подталкивает.

– Ты несправедлив к ней. – Ясуко отдернула руку, в голосе ее зазвенели холодные нотки. – Она выше этого, воля ее безгранична. Она бы просто приказ отдала, и все.

– Приказ? Хотел бы я услышать, как она мне приказывает.

– О! Это только доказывает, как плохо ты ее знаешь. – Она одарила его сочувственным взглядом и улыбнулась.

– Ясуко, клянусь, что так или иначе, но я не дам тебе выйти за Микамэ. Даже если мне придется временно перейти на сторону Миэко.

– Вот видишь! Ты уже словно пешка в ее руках... Но в этом ты не одинок. Я тоже не лучше. И я не в состоянии сбежать от нее. Это ужасно, как будто волю мою парализовало. – Ясуко закрыла глаза и яростно трянула головой, словно пыталась освободиться от тяжелого груза. Потом затихла и некоторое время сидела молча. – Цунэо, ты ведь не знал, что у Акио есть сестра? – неожиданно развернулась она к нему.

– Что?! Конечно, нет. Никто никогда не упоминал про его сестру. Это правда?

Ясуко кивнула и уставилась в пол.

– Я понятия не имел. И Миэко – ее мать?

– Да. Харумэ – просто вылитая Акио, хотя иначе и быть не может. Ведь они же... – Девушка умолкла в нерешительности, потом посмотрела в глаза Ибуки и выпалила: – Они с Акио близнецы.

– Близнецы? – изумился он. – У Акио есть сестра-близнец?

– Да, и ты ее видел. Помнишь вечеринку, которую мы устроили в начале лета?

– А, это когда вы напустили в свой сад светлячков?

Это случилось в конце июня. Ученица Миэко из Сиги прислала ей светлячков, и в один прекрасный вечер около дюжины гостей собрались насладиться видом этих прелестных созданий, развешанных в клеточках по всей энгаве¹⁴ и свободно летающих по саду. По просьбе Миэко профессор Макино, признанный знаток японской литературы, прочитал лекцию о главе «Светлячки» из «Сказания о Гэндзи»¹⁵. Миэко со свойственным ей изяществом выступила в роли конференсье:

– Давным-давно люди часто устраивали летними ночами посиделки, рассказывая предания о привидениях. Один за другим гости услаждали слух собравшихся, а потом гасили большую свечу, и так до зари, пока все свечи не потухнут. Однако сегодня я не прошу вас припоминать истории о призраках, напротив, предлагаю вам послушать лекцию профессора Макино на тему «Сказания о Гэндзи».

Потом Ясуко представила ярко одетых женщин и девушек из поэтического класса све-крови членам группы по изучению одержимости духами.

Покойный муж Миэко происходил из семьи богатых и могущественных землевладельцев в Ниигате; и дом, который он выстроил на старой окраине Токио в первой четверти века в соответствии с японскими традициями, стоял на обширном участке и был настолько велик, что требовалось немало слуг, чтобы содержать его в полном порядке. Сама Миэко была дочерью верховного жреца одного из знаменитых храмов в Синсю, поэтому оба клана на обстановку и убранство не поскупились, выставляя свое благосостояние чуть ли не напоказ. После войны пришла земельная реформа, и Миэко, – к тому времени уже вдову, – заставили продать почти все семейные владения (включая, с ее слов, большую часть земель и главный особняк поместья); но даже после этого вокруг дома, в котором они сейчас жили, – охраняемая законом собственность семьи Тогано – остался старинный сад с прудом и насыпным холмом: огромная редкость для послевоенного Токио.

---

¹⁴ Энгава – открытая галерея с двух или трех сторон японского дома.

¹⁵ «Сказание о Гэндзи» («Гэндзи-моногатари») – роман придворной дамы Мурасаки Сикибу о любовных похождениях принца Гэндзи, вершина японской классической прозы (начало XI века).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.